

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

ЛИЗ
КАРЛАЙЛ

Три
маленьких
секрета

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

Пролог

Дьявол шутить не любит

Его нашли на конюшенном дворе. Еще не прокричал первый петух, в неподвижном воздухе стоял густой запах сена и лошадей, трава не просохла после вчерашнего дождя. Две светло-серые кареты с замазанными гербами и опущенными занавесками медленно ползли вниз по холму, как шарики ядовитой ртути.

Он решил сэкономить шиллинг и сам запрячь лошадей. Он рассуждал как глупец. Его бдительность притупилась, а разум еще спал. Здравый смысл дурманили мысли о юной жене. Она не давала ему заснуть, пока не осталось никаких тайн, просьб, высказанных затаив дыхание, смеха, заглушенного складками старого одеяла.

Потом она уснула, положив кулачок на подушку и закинув стройную ногу на его сторону постели жестом восхитительно новым и успокаивающе знакомым. Он не спал. Наверное, он уже тогда знал, что эти мгновения драгоценны.

Поднявшись, он неотрывно смотрел на жену. Изящные розовые раковины ушей. Нежный изгиб красивой шеи. Маленькая грудь столь совершенна, что он удивлялся, как можно простым смертным любоваться ею. Потом он неохотно натянул брюки и пошел заниматься делом, чтобы сэкономить этот проклятый шиллинг. Видит бог, даже такую мелочь они не могли себе позволить потратить.

В конюшне было еще темно. Он зажег лампу и отыскал своих лошадей. Накормив, он тщательно вычистил их и принес воды из стоявшей во дворе бочки. В рутинных делах человек, только нащупывающий свой путь в жизни, находит успокоение. Покончив с этим, он снял с железного крюка сбрую.

Чья-то тяжелая и холодная, как смерть, рука тронула его за плечо.

Смерть, смерть...

Говорят, когда приходит смерть, перед глазами у человека проходит вся жизнь. Перед его внутренним взором пронесся день его свадьбы. Так за окнами быстрого фаэтона мелькает сквозь деревья уютный сказочный домик.

Бросив сбрую, он повернулся. Вот оно что. Эти серые с черным ливреи ему знакомы. Он увидел нескольких мужчин значительно крупнее того, кто стоял рядом.

Чья-то рука потянула его из тени.

— С тобой хотят поговорить. — Голос под стать руке, холоден, как смерть.

Не похоже, что мужчины поджидали его ради пустой болтовни. Он сражался как лев. Но их было четверо против одного. Хоть он был сильным, привычным к тяжелому физическому труду человеком, им не потребовалось много времени, чтобы сорвать с него рубашку и избить до полусмерти. Он сумел вырваться и одного чуть не утопил в бочке с водой. Схватив другого, ударил его головой о дверцу кареты. Сломал нос третьему, с удовлетворением наблюдая, как пятна крови расплываются на красивой ливрее.

Он, конечно, знал, что не одержит победы. И понимал, что они намерены убить его. Они повалили его, как свора собак оленя. Он валялся в грязи, выплевывая кровь и навоз. Подняв его, они начали все сначала.

Он не помнил, как сбросил их. Не помнил, как в его руках оказались вилы. Он помнил только, как стальные зубья вошли в плоть другого человека. Как пронзитель-

но закричала девушка, спрятавшаяся в тени. Она кричала... кричала...

Полированная дверца кареты открылась, показалась нога в дорогом сапоге.

В тишине прозвучал голос. Почти миролюбивый. Но черный хлыст, намотанный на руку Джессопа, противоречил его тону.

Конечно, он бился как герой. Но приспешники Джессопа быстро скрутили его и крепко держали, пока новопеченный тесть четко и доходчиво объяснял, что его дочь переменяла решение. Подкрепляя каждое слово ударом хлыста.

Только когда он рухнул, Джессоп соизволил подойти ближе.

— Надеюсь, теперь ты убедился, что моя дочь передумала насчет этой глупости в Гретна-Грин.

Он не убедился. Его никогда не переубедить. С трудом приподняв голову, он повернулся к девушке, которая пряталась в тени.

— Он лжет. — Слова душили его. — Скажи... что Джессоп... лжет.

Горничная его жены, шумно вздохнув, наконец вышла из полумрака.

— Увы, нет, месье, — ответила она, сжав перед грудью руки. — Миледи... она передумала. Она сказала, что она... *tres desole... oï* — очень сожалеет. Она... она тоскует по дому, месье. И *tres jeune* — очень молода, *oï*. Она хочет вернуться с отцом в Шеффилд.

Вдруг с тошнотворной быстротой все всплыло у него в памяти. Ее бесконечные вопросы. Тревога. Мелочные заботы о деньгах, слугах, презрении общества...

Неужели? Господи, неужели она передумала?

Джессоп снова накрутил хлыст на руку. С самодовольной улыбкой он забрался в свою карету. Лакеи ушли, бросив в грязи жертву своей кровавой работы. Горничная, спрятавшись в тень, снова заплакала.

Нет. Он не верит. Он никогда не поверит в это.

Негодяй. Джессоп так не уйдет. Почти теряя сознание, он как-то ухитрился подняться на ноги и вложил всю ярость в удар по карете. Вместо того чтобы замедлить ход, кучер хлестнул лошадей и без малейших колебаний переехал рухнувшего под колеса несчастного.

Он почувствовал адскую боль. Безвольное тело как мешок перекатывалось по булыжникам. Потом наступила страшная агония — хрустнула кость, разрывая плоть. Ему показалось, что череп раскололся о столб ворот. Потом он провалился в черноту. В блаженное забвение смерти... или что-то близкое к ней.

Глава 1

*Деньги, как навоз, когда лежат кучей,
не приносят пользы*

Шотландцы говорят, что история от пересказа ничего не теряет. Историю Меррика Маклахлана пересказывали тысячу раз. О нем говорили в гостиных и клубах, судачила на кухне прислуга. От сезона к сезону он становился все богаче и мрачнее. В расцвете жизни его считали настоящим Шейлоком, безжалостно взыскивающим то, что ему причитается.

Те, кто связывался с Черным Маклахланом, вели дело честно и с трепетом. Некоторые при этом богатели, другие преуспевали меньше и оказывались несостоятельными должниками. Их истории тоже рассказывали, но уже в суде. Мисс Китти Коутс едва ли имела к этому отношение и даже не могла правильно написать слово «несостоятельный». Ее дела с Маклахланом были совершенно иного рода. И если и касалось финансов, то только в том, что Китти приходилось отдавать сводне значительную сумму.

Сейчас, однако, Китти было о чем задуматься, кроме неудач в математике и правописании. Клонившееся к закату солнце светило в окно импровизированной спальни Маклахлана, бросая узкие лезвия лучей на его обнаженные плечи и шрамы. Страшные белые рубцы крестнакрест пересекали твердые бицепсы и спину. Китти долго и с трудом привыкала к ним. Положив руки на мягкие завитки темных волос на его груди, она оседлала его.

Часы в соседнем кабинете пробили пять. Тремя-четырьмя мощными толчками Маклахлан закончил свое дело, оттолкнул Китти и потер мускулистой рукой глаза. Намек был понятен.

— Мы ведь еще не расстаемся, мистер Маклахлан? — Китти снова повернулась на живот и легко провела пальцем по кривому, как турецкая сабля, шраму, пересекавшему щеку мужчины. — Я могу задержаться, два фунта за целую ночь. — Теплый палец снова заскользил по его щеке. — И мы прекрасно проведем время.

Отшвырнув простыни, Маклахлан снова оттолкнул ее и спрыгнул с узкой кровати.

— Одевайся, Китти. — Его голос был бесстрастным. — Уходи сегодня по черной лестнице. Персонал еще работает.

Она помрачнела, но ничего не сказала. Маклахлан стоял стиснув зубы из-за боли в лодыжке. Он не двигался, пока не убедился, что может идти не хромя, затем прошел в гардеробную и тщательно вымылся.

Когда он вернулся за своей аккуратно сложенной одеждой, Китти уже натянула мягое красное платье. Ее брови напряженно сошлись на переносице, лицо было мрачным.

— Мистер Маклахлан, сколько я сюда прихожу?

Он подавил вздох раздражения.

— Я не отмечал, Китти.

— А я точно знаю, — капризно сказала она, — четыре месяца и две недели.

— Я не знал, что ты сентиментальна. — Маклахлан был занят тем, что натягивал нижнее белье.

— Каждый понедельник и четверг с первого февраля, — продолжала Китти. — И за все это время вы не сказали мне и десяти слов.

— Я не думал, что ты добираться сюда из Сохо ради ученой беседы, — ответил он, разворачивая брюки. — Я полагал, ты приходишь за деньгами.

— Ну-ну, продолжайте! — Она схватила валявшиеся на полу чулки. — Воспользуйтесь умными словами, чтобы подразнить меня и выставить вон. Ложись, Китти! Наклонись, Китти! Уходи, Китти! У меня назначена встреча, Китти! Вы отвратительный, злой человек, Маклахлан.

— Как я понимаю, я упал в твоих глазах, — заметил Маклахлан. — Если хочешь, скажи миссис Фарнем, чтобы она в четверг прислала кого-нибудь другого. — «Не такую разговорчивую», — про себя добавил он, заправляя рубашку в брюки.

— Сказать-то я могу, но у Фарни я единственная рыжая, — предупредила Китти, резким рывком натягивая чулок. — Позвольте заметить, меня часто приглашают именно из-за цвета волос.

— Мне любой цвет подойдет, — ответил он, разглядывая округлый зад Китти, когда она нагнулась за вторым чулком. — Меня это совершенно не интересует.

У Китти будто что-то хрустнуло внутри. Резко выпрямившись, она швырнула чулок ему в лицо.

— Тогда вам и дырка от сучка в трухлявом заборе подойдет, неблагодарный шотландец!

Маклахлан пристально посмотрел на нее.

— Да, это выход, причем более дешевый. — Маклахлан тоже начал подумывать об этом. Он деловой человек, ему сантименты не нужны. А заборы не разговаривают, не жалуются и не хнычут.

Китти решительно сунула босую ногу в туфлю.

— Хватит с меня вашего ворчания и механических движений! Вы никогда не спросите: «Как вы поживаете?» Может быть, я и шлюха с Хеймаркета, но будь я проклята, если...

Десятифунтовая бумажка, которую Маклахлан сунул Китти в сжатый кулак, заставила ее замолчать. Она долго смотрела на банкноту, глотая слезы.

Маклахлан слегка пожал ей руку.

— Ты держалась восхитительно, Китти, — пробормотал он. — Дело не в том, что я неблагодарный. Просто я не стремлюсь завязывать дружбу. Пусть миссис Фарнем пришлет в четверг кого-нибудь другого. Нам нужны перемены, и тебе, и мне.

Презрительно фыркнув, Китти сунула деньги в вырез платья. Миссис Фарнем от этого ничего не получит. Пройдясь по мужчине взглядом от плеч до паха, Китти театрально вздохнула.

— Боюсь, болеть будет не мое сердце, Маклахлан, — заметила Китти. — Но нечего вас жалеть. Несмотря на ваши таланты, вы этого не заслуживаете.

Маклахлан завязывал широкий галстук.

— Ты, без сомнения, права.

Китти возмущенно фыркнула.

— Отлично. В четверг я пришлю Бесс Бромли, пусть она вами займется. Она жестокая, эта девка с глазами кошки. Вы поладите, как огонь с маслом. — С этими словами Китти рывком открыла дверь, быстро пересекла смежный со спальней кабинет и исчезла в коридоре.

Маклахлан долго стоял, глядя в темноту кабинета. Он понимал, что другой человек испытывал бы сожаление или даже чувство вины. Но только не он. Китти служила ему достаточно хорошо, напомнил себе Маклахлан, заканчивая одеваться. Она была чистенькой, вежливой и пунктуальной. Ее широкий круглый зад определенно навсегда останется в его памяти.

Но это все, что он предпочитал помнить. Только первого апреля, спустя два месяца после ее первого визита, он потрудился узнать ее имя. До этого он просто приказывал госте раздеться и лечь. Вернувшись за свой рабочий стол, Маклахлан вспомнил, что в особенно загруженные дни он даже не трудился раздеваться. Он просто расстегивал брюки, нагибал Китти над диваном в своем кабинете и возвращался к делам, удовлетворив вождление.

Нет, его это не волновало. Ни тогда, ни сейчас. Одного он жаждал больше всего на свете, больше плотских утех — безраздельного могущества. И жалобы Китти, как бы искренни они ни были, никогда не изменят двух главных и непреложных законов капитализма. Время — деньги. Деньги — это власть. Сейчас у него очень мало времени, а власти ему всегда не хватало.

Развернув чертежи, Маклахлан нетерпеливо дернул шнурок звонка, вызывая клерка. Пора поговорить с агентами с Треднидл-стрит. Надо работать. За неделю Маклахлан рассчитывал выбить три участка под строительство, продать шесть домов, обанкротить не выполняющего обязательства торговца кирпичом, сровнять с землей соседнюю деревню. И все для того, чтобы построить целую улицу элегантных домов в георгианском стиле и заставить расточительных англичан расстаться со своими фунтами. Вот это ему действительно доставит удовольствие.

Дом на Мортимер-стрит не походил на жилище богатого и влиятельного лорда, хотя улица находилась неподалеку от Мейфэр. Вопреки ожиданиям это был не широкий, с двойным фронтоном особняк, а обычный городской дом. Простой кирпичный фасад, внизу два окна и крыльцо, над ними четыре ничем ни примечательных этажа. Можно было предположить, что здесь поселился банкир, адвокат или процветающий торговец углем.

Но тем не менее дом принадлежал влиятельному графу Трейхерну, солидному, рассудительному человеку, если такие встречаются среди аристократов. Говорили, лорд Трейхерн терпеть не мог глупости и больше всего ненавидел хитрые уловки.

Но леди Бессетт, которая, дрожа, замерла у его двери, пришла повидать не графа. Она торопилась увидеться с гувернанткой — или, точнее, украсть гувернантку, если это окажется возможным.

Деньги не имеют значения. И ее нервы тоже. Графиня была в отчаянии. Нашупав в сумочке маленький сверток, она проглотила ком в горле и поднялась по ступеням позвонить в колокольчик. Она молилась про себя, чтобы гувернантка еще работала здесь. Только когда дверь открылась, леди Бессетт пришло в голову, что не слишком прилично интересоваться прислугой с парадного входа.

Увы, было уже поздно. Высокий широкоплечий лакей смотрел ей прямо в лицо. Леди Бессетт нетвердой рукой подала ему свою карточку.

— Графиня Бессетт к мадемуазель де Северс. Если это возможно.

Лакей удивленно приподнял брови, но проводил графиню наверх и предложил присесть в маленькой, залитой солнцем гостиной.

Комната была обставлена прекрасным французским антиквариатом. Стены обиты тисненой тканью цвета сливок, желтые чесучовые занавески спускались на роскошный обюссоновский ковер. Несмотря на встревоженное состояние, леди Бессетт нашла комнату прелестной и отметила про себя сочетание цветов. Завтра, если она переживет эту встречу, ей предстоит оформить покупку дома. Это будет ее первый дом в жизни — не мужа, отца или пасынка, а ее собственный. Ее. И она тоже устроит там желтую гостиную. Ведь это ее выбор, не так ли? Завтра же она поговорит с подрядчиком.

Через несколько минут в комнату вошла высокая темноволосая женщина. Она выглядела настоящей француженкой, но была одета более элегантно, чем можно было ожидать от гувернантки. Ее поведение не было услужливым, а на лице застыло выражение добродушного любопытства. Не успев задуматься над этим, леди Бессетт вскочила с софы и бросилась через комнату.

— Вы мадемуазель де Северс? — прошептала она, схватив женщину за руку.

Губы женщины дрогнули.

— Да, но...

— Я хочу нанять вас, — перебила леди Бессетт. — Сейчас же. Назовите свою цену.

Мадемуазель де Северс отпрянула.

— Боюсь, вы ошиблись...

— Я в отчаянном положении. — Леди Бессетт стиснула руку женщины. — У меня есть рекомендательное письмо от графини фон Ходенберг из Пассау. Она мне все рассказала. О вашей работе. Об учебе в Вене. Мой сын... Он очень болен. Я должна нанять вас, мадемуазель де Северс, должна. Я не знаю, куда еще обратиться.

Женщина, ободряя, сжала ее руку.

— Мне очень жаль, — сказала она со слабым французским акцентом. — Графиню фон Ходенберг неправильно информировали. Я не общалась с ней больше десяти лет.

— Именно так она и сказала, — подтвердила леди Бессетт.

— Как вы с ней познакомились?

Леди Бессетт опустила взгляд к полу.

— В замужестве я долго жила за границей, — пояснила она. — наших мужей объединял интерес к древней истории. Кажется, впервые мы встретились в Афинах.

— Как приятно, что она меня помнит.

Леди Бессетт слабо улыбнулась.

— Она знала только, что вы уехали в Лондон к Ратледжам, у которых ужасно болела маленькая девочка. Я с большим трудом отыскала эту семью. Лондон такой большой город. Я была в нем только раз в жизни.

Мисс де Северс указала на пару кресел у камина. Стояла поздняя весна, огонь в нем не зажигали.

— Пожалуйста, садитесь, леди Бессетт, — пригласила она. — Я попытаюсь объяснить вам свою ситуацию.

В сердце леди Бессетт угасала надежда.

— Вы... вы не сможете помочь нам?

— Я пока не могу сказать, — ответила гувернантка. — Но определенно попытаюсь. Расскажите о ребенке. Сколько ему лет и какова причина болезни?

Леди Бессетт подавила рыдание.

— Джеффри двенадцать, — ответила она. — Он... на него порой находит, мадемуазель: он говорит бессмыслицу и не может объяснить почему. Временами он страдает от меланхолии. Он очень нервный ребенок.

Мисс де Северс медленно покачала головой.

— Что представляют собой его видения? Грезы? Галлюцинации? Он слышит голоса?

— Я думаю, это грезы, — прошептала графиня. — Грезы наяву, а не во сне, если такое бывает. Но я не совсем уверена. Понимаете, Джеффри больше не хочет обсуждать это со мной. Он стал очень скрытным.

— Мальчик все еще страдает от приступов? — спросила гувернантка. — Знаете, с возрастом у детей это часто проходит.

— Стало только хуже, — ответила леди Бессетт. — Он такой странный. Я консультировалась с самыми известными врачами и френологами с Харли-стрит. Они сказали... О господи! Они сказали, что у Джеффри скорее всего душевная болезнь... что, возможно, он потерял связь с реальностью и... и его надо изолировать.

— Какой вздор! — возмутилась гувернантка. — Я бы изолировала кое-кого из преуспевающих докторов с Харли-стрит. А уж что бы я сделала с френологами, и говорить не хочу.

— Вы... вы им не верите?

— Крайне редко, — живо сказала женщина. — А в этом случае совершенно не верю. Двенадцатилетний ребенок еще недостаточно развит умственно и физически для такого страшного приговора. И если у него на голове странные шишки, то скорее всего это от игры в каштаны. Вероятно, ваш ребенок просто слишком чувствителен и артистичен.

Леди Бессетт покачала головой.

— Нет, — уверенно сказала она. — Хотя он прекрасно рисует. У него замечательные способности к математике и к наукам. Вот почему эти... эти приступы кажутся такими странными.

— Значит, он не капризный ребенок?

— Нисколько.

— В остальном он совершенно здоров? Он учится?

Он сообразительный мальчик?

— Учитель Джеффа считает его талантливым.

— У него была какая-нибудь детская травма?

Какое-то мгновение леди Бессетт колебалась.

— Нет... нет, травмы не было.

Гувернантка снова подняла брови и собиралась, видимо, задать очередной вопрос. Но в этот момент в комнату вбежала прелестная светловолосая девушка в нарядном платье.

— Мама, оно готово! — воскликнула она, вытягивая шею, чтобы разглядеть платье со спины. — Подол ровно подшит? Кажется, спина выглядит слишком...

— Милая, у нас гости, — упрекнула гувернантка, которая, как теперь стало ясно, была вовсе не гувернанткой. — Познакомься с леди Бессетт. Леди Бессетт, это моя падчерица, леди Ариан Ратледж.

Девочка густо покраснела.

— Извините, мэм! — Присев в реверансе, она тут же вышла.

— Позвольте, — пробормотала леди Бессетт, чувствуя, как запылали ее щеки. — Кто... я хочу сказать... это...

— Это та самая дочь лорда Трейхерна, которая была ужасно больна, — ответила хозяйка. — Да, именно это я пыталась объяснить вам, леди Бессетт. Мы поженились, он и я. А Ариан теперь, как видите, совершенно нормальная девочка. У нас еще трое детей, поэтому у меня прибавилось работы, и некогда давать советы друзьям и родственникам.

— Ох! — У леди Бессетт опустились руки. — О господи! Вы теперь леди Трейхерн! А я... я не знаю, что мне делать.

Хозяйка дома, наклонившись, положила ладонь на руку леди Бессетт.

— Вы еще так молоды, дорогая. Думаю, моложе меня.